

Дмитрий Волчек

Книга дождя

повесть

Дмитрий Волчек

Книга дождя. Повесть

«Издательские решения»

Волчек Д.

Книга дождя. Повесть / Д. Волчек — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830556-6

Философско-эротическая повесть, наполненная размышлениями автора о жизни и своём времени, а также сюрреалистически-отвлечённой, но жизнеутверждающей поэзией городских кварталов.

ISBN 978-5-44-830556-6

© Волчек Д.
© Издательские решения

Книга дождя

Повесть

Дмитрий Волчек

© Дмитрий Волчек, 2016

ISBN 978-5-4483-0556-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Всю свою сознательную жизнь я – подсознательно – занимался саморазрушением. Много где учился – но так и остался без высшего образования; пил; сидел в тюрьме по тяжкой статье. В настоящее время, в 47 лет, я нищий и бомж... Но теперь я кое-что понял. На самом деле я разрушал не свою личность – а только внешнюю оболочку, кокон; настоящее моё «я» растёт внутри.

Раскольников после совершённого убийства, проходя по мосту, ощутил, как улетает куда-то высоко-высоко – и все нити, связывавшие его с человечеством, обрезаны ножницами безвозвратно, навсегда...

Я это тоже почувствовал явственно. И хотя прошло уже без малого 20 лет, отчуждённость моя от людей, по-моему, только возросла. Всё, к чему они стремятся в жизни, что считают важным, значительным, – для меня неинтересно и тягостно. Все их ценности как грошовая погремушка, и всё, чем они потрясают как священным, – кажется мне картонной молнией в руках постановочного Зевса.

Но нет, это не книга про мой конфликт с человечеством. Это было бы слишком напыщенно. Это книга... про дождь. Ведь дождь – это то, что внутри; то, что нас всех объединяет.

2

Когда отбывал наказание в одной из дальневосточных «командировок», пошёл там в школу. Просто чтобы время быстрее проходило. Хотя до этого успел поучиться в университете, в далёком Городе... Нашёл, таким образом, для себя хоть какую-то отдушину в однообразном тусклом существовании. В небольшом одноэтажном школьном здании пахло свежей краской, было непривычно тихо, чисто и празднично; по периметру закипали золотом заросли сирени.

А ещё там работала молодая учительница физики Марина...

Физика выпекалась в печи жарких взглядов, делилась на сдобные булочки, обтянутые джинсиками. Когда Марина (Анатолевна) поворачивалась к доске, наклонялась немного, за мелом или ещё за чем-то, класс замирал... Дождь цепенел за окном. Шум сердец, пульсация эрегированных пенисов в плену застиранных зековских штанов.

Со мной ей, конечно, интереснее было общаться, чем с остальными. Иногда, когда она задерживалась, приходил после уроков, поболтать.

В классе было холодно. Договорились с приятелем с местными умельцами, и они за энное количество универсальной валюты (чай, сигареты) сварили обогреватель. Батарею. Железные трубы, внутри тэны. Шнур с вилкой для подключения в розетку. Аккуратные сварные швы, никакой протечки.

– Ты знаешь, я не считаю себя вправе кого-то судить. У каждого, как говорится, своя жизнь и свой путь, – она говорила, чуточку растягивая гласные – и это тоже было чертовски

мило и сексуально! – Ты думаешь, я здесь от хорошей жизни? Ну да, муж работает здесь, удобно. Зарплата повыше, чем в обычной школе...

Дальше шли обычные сетования на свою судьбу. А я сидел и любовался этим изящным, красивым существом, словно по волшебству перенесённым в нашу серость из другой, яркой, праздничной, вольной жизни!

Привезла как-то показать фотографии сынишки: вот он в маленьком матросском костюмчике – а вот в столь же миниатюрном гусарском доломане...

Потом, вечностей где-то через сто, дверцу клетки всё-таки приоткрыли – и птичка выпорхнула на свободу! Ну я, то бишь. Помню, как ужасно давили сооружённые местными же умельцами ботинки. Нет, мама присылала модные тогда туфли с заострёнными носами, но они мне крайне не понравились. Пришлось «загнать» их за ту же самую местную валюту другому, более приобщённому к современным тенденциям моды сидельцу.

Я уехал в свой город. На прощание оставил ей томик рассказов Борхеса, небольшую, нарядно оформленную в красных тонах книжицу.

Первое письмо моё к ней было обычное, на бумаге. Потом стали переписываться по электронной почте: она по мере сил пыталась ликвидировать мою компьютерную безграмотность. Рассказывала в посланиях о новой работе, о семье, о детях (к тому времени родилась ещё дочь), о поездках на дачу, где она с удовольствием хозяйничала. О муже, как она однажды выразилась сгоряча, алкоголике и наркомане. О «любимой» свекрови.

Потом был секс по телефону.

У женщины как минимум три мини-портала в рай. И тот, что сзади – предмет самых тонких вожделений.

Все мы взрослые люди, не надо ханжества. Да и «сексуальные революции» все отбушевали уже давным-давно. В том числе и в литературе.

Выяснилось, что они с мужем давно практикуют этот вид соития, к обоюдному удовольствию. И когда, захлёстнутый нашими откровенными фантазиями, я бормотал полузадушенно: «теперь я хочу тебя в зад», – она мгновенно откликнулась.

– Хорошо! – и тут же с ходу придумывала, как именно.

Вообще, её эротическое воображение било безудержно, я лишь следовал бледной тенью по пятам.

– Да, вот так, да... хорошо. Входи... – и медленно, нараспев: – Я наклоняюсь, протягиваю руку между ног и достаю до твоей мошонки. Обхватываю нежно её пальцами...

Говорила, как это всё выглядит в реальности: домашние все спят, она сидит запершись на кухне, широко расставив ноги, одна – на низенькой табуреточке. Трогает себя. Подносила телефон к промежности, и я слышал завораживающее чмокание – как чмокание детских сапожек по осенней слякоти... Солнце мягко запуталось в волосах. Ветер и воспоминания. Её чуть припухлые губы полуоткрыты, будто выпускают из себя невинный и незримый взглас – как знак всепрощения и любви. Ко всем. Ко всему.

Потом мы разругались из-за чего-то. То ли я что-то наговорил спьяну, то ли ещё что – не помню.

3

Мне нравится жить так, будто до меня и не было никакой поэзии. Мне нравится думать, что это – моё изобретение. Ведь её столько во всём, чего касаются мои руки и взгляд! В ней самой нет людей – но есть их цветение.

Вся моя жизнь проходила в тени домов, под сенью зданий. А улицы были как крёстный путь.

Поэма моего бытия – она странная и печальная. В 13 лет я прочёл «Исповедь» Л. Н. Толстого. И для меня открылся тёмный, но завораживающий мир инсинуаций смерти, наполненных непостижимостью собственного отсутствия. В этом было что-то от детских ночных посиделок где-то в пионерском лагере или в деревне у бабушки, куда съезжалось много родни, много детворы. Когда те, что постарше, пугали младших страшными, душераздирающими историями. Сознание тогда смешивалось с темнотой, прерываемой лишь слабыми вспышками фонаря за окном, наполнялось ветром и сладкой жутью.

Успокаивал дождь. Успокаивал рассвет, его предчувствие.

4

Через два года после освобождения я женился. Родился сын. С женой познакомились на стройке: работали в одной бригаде штукатуров-маляров. Она была ровно на десять лет младше. Почти что девочка.

Жили в старом полуразвалившемся двухэтажном деревянном доме, где из всех прорех глядели печальные, а то и трагические судьбы живших здесь прежде. Забегая чуть вперёд, скажу, что здесь же, на втором этаже, повесилась три или четыре года спустя мать жены. Совсем не старая ещё, миловидная женщина. Пила сильно, несмотря на всю внутреннюю борьбу свою и многочисленные «кодировки». Интересовалась магией: я видел книги, которые она собирала. Тогда, рано утром, когда нас с женой крикнули наверх, она, уже освобождённая от удавки, лежала на полу. Лицо опухло и едва заметно отливало синевой. Оно было безучастным ко всему, нездешним. И моё сознание не могло вобрать его в себя, ассимилировать: мысли как бы обтекали его, не касаясь...

Дом окружали заросли вишни. Они подрагивали шаловливо днём, на солнце, – а ночью выглядели призрачно и таинственно. В огороженном самодельным забором дворике летом можно было разводить костёр, жарить шашлык, печь рыбу в железном «шарабане».

– Есть такие купе двухместные, СВ. Вот были бы деньги... – мечтательно говорил я жене, – поехали бы с тобой по всем городам, в которых я бывал, которые люблю.

Приводил названия. В голове вспыхивали яркие, чуть потускневшие от времени картины.

– Представь: за окошком леса, поля, полустанки, большие станции... Тебе столько всего нужно увидеть!.. И я бы трахал, трахал и трахал тебя!!

Тогда ещё не прошло время нашего сексуального сумасшествия.

Туалет был на улице, один на несколько домов. Как-то пришлось наблюдать через проломанную в перегородке между «М» и «Ж» щель, как одна молодая незнакомая леди писала, нисколько не смущаясь такой «обратной перспективой». Это было похоже на стекающие по золотому диску луны беспорядочные струи дождя...

С работой было не очень хорошо. Я не удерживался долго на одном месте. Отчуждение в наших с женой семейных отношениях росло, оставляя в душе осадок горькой, бессильной и безнадежной нежности и тоски. Пьянки, совместные и по отдельности, стали носить всё более затяжной и всё более психоделический характер. Она взяла моду заявляться всё позже и позже, порой под утро, а то и на следующий день. Я, если были деньги, тоже шёл в магазин и покупал пива. Телефон раз за разом отвечал заунывным: абонент недоступен... Я с болью смотрел на сына. Улыбался через силу, отвечая, хоть и невпопад, на его лепет.

– Папа, а почему вода на небе?

– Ну, это дождь... Деревья, травка, цветы – они ведь тоже хотят пить. И вот природа берёт золотистую лейку, вот как у тебя, только большую, и начинает поливать землю живительной влагой...

У малыша был сосредоточенный, серьёзный вид. Такой забавный! Многие утверждали, что мы с ним – ну прям одно лицо...

– Природа – это тётенька?

– Ну как тебе сказать... Да, она тоже живая, как мы с тобой. У неё есть душа.

– А она красивая? Как мама?

Я видел, что ему не хватает любви, материнской любви и внимания. Тогда она, конечно, не могла ещё знать, что придёт время – и это она начнёт обижаться на недостаток внимания со стороны сына-подростка. Я старался быть хорошим отцом – и всё же больше был погружён в собственные переживания, в свои поиски истины, поиски ответов.

Наш с супругой разлад с годами становился всё очевидней. Всё это продолжалось долго, накапливалось исподволь. Всё хорошее постепенно вытесняла чернота. Как в дурном сне, когда не можешь проснуться. Или как в лабиринте, когда с каждым шагом всё больше и больше осознаёшь, что свернул не туда. Само собой разумеется, это мужчина должен вести женщину по жизни. Если хватает сил. Если ты не переоценил свои силы.

Были подруги жены. Были какие-то безумные ночи, окрашенные похотью, какие-то безумные люди. Драки. В пьяном виде я терял координацию движений и, как правило, проигрывал. И потом по неделям на меня паялилась из зеркала исковерканная, вся в синяках и кровоподтёках, опухшая физиономия... Была молодая семейная пара, с которой дружили, собирались вместе по праздникам. Кристина. Её огромные глаза и головокружительной красоты попа, всей прелести которой узнать не довелось. Её неожиданно пробудившийся ко мне интерес: «А Дима тоже придёт?»...

Были серые дождливые утра. Занавески покачивались как паруса летящей по кругу Земли. Я приоткрывал дверцу печки и отрыв наиболее жирный «бычок», прикуривал, щёлкнув зажигалкой. Руки дрожали. Мутило, к горлу подступала тошнота. И физическая, и та, по Сартру.

Мой светлый, искрящийся Путь, где ты?..

Рано или поздно это должно было закончиться. Я ушёл поздно вечером, скорее даже, ночью. Оглядел последний раз «внутреннее убранство» дома, который был мне приютом в течение долгих шести лет. Укол был почти физическим, болезненным. На секунду захотелось остаться... На улице было дождливо и ветрено, капли падали как слёзы. Сына, конечно, не бросил совсем. Опять-таки забегая вперёд, скажу, что вот он, спит в соседней комнате пусть и не нашей, съёмной квартиры. Сейчас ему 11. Жена бывшая частенько нас навещает, помогает материально. Какая там атмосфера царит в её новой семье – не знаю, не мне судить.

5

Христа я чту – но христианство для меня чудовищно, тягостно. Дело не в ужасах Средневековья и не в сказочных нелепостях – а в бесплодии. В духовном иждивенчестве, которое оно возвращает в тебе, бредущий по пустыням мегаполисов человек дождя. Не складывай свои надежды на чей-то холодный алтарь! Никто не придёт и не спасёт тебя – пока ты не разбудишь свою собственную вселенную, не станешь собственным взрывом!

Ехал как-то недавно в машине, пассажиром. Играла магнитола. И в куче словесно-музыкальной белиберды, именуемой русским рэпом, наткнулся на жемчужину. Парень с энергией, с нажимом проговорил-пропел: Именно ты рождён изменить этот мир!.. И баста.

Вот это по-нашему!

Я не думаю даже, что вот это обещанное второе пришествие Христа – это обязательно какая-то конкретная личность. Ницшевский Заратустра – чем не второе пришествие?? Или Нео из фильма «Матрица»? Может быть, имелось в виду, что любой, самый обычный человек осознает в себе это ослепительное начало.

Лично я говорю – хватит! Сколько можно уже умирать?? Пора разорвать этот глупейший круг сансары.

6

Я мечтаю снять фильм. Да, фильм про дождь. Про дождь, падающий в небо: ведь оно везде. Особенно много его в нежных девичьих руках и смеющемся взгляде той, которую любишь.

Мне нравится ощущать, как пахнут букеты свежесрезанного смеха. Девушка идёт по улице, по дороге в май. Я вырастаю в её глазах до значения нерасшифрованного иероглифа. Наши взгляды встречаются: это магическое, чёрно-белое пересечение инь и янь вспыхивает. Весь воздух наэлектризован и наполнен эротикой.

Ветер взвихрил листву. Это зелёное золото падает на блестящие рыжие трамваи.

Я не один год проработал водителем трамвая. Да кем только не работал в своей жизни!

А ещё очень много было в прожитом поездов, вокзалов и залов ожидания. Были лёгкие и тёплые слова. Такие упали в слух, снежные, когда-то слова: «Я просто представить не могу, просто в голове не укладывается, как бы я могла быть с кем-то ещё, кроме тебя!»... Нам по двадцать с небольшим. Мы приехали вместе в Город, сначала снимали комнату, но потом финансы закончились. Я вернулся в общежитие, хотя к этому времени уже не учился в универе. Но приютили. Её же приютила какая-то подружка.

Стук в дверь. Она врывается, вся промокшая: на улице моросит. А ведь я только что думал о ней! В комнате как раз никого. Я валяюсь на кровати. Как она хороша!.. Болтает что-то, щебечет.

– Иди сюда.

Подходит с загадочной полу-улыбкой. Раскрытая книга на столе обложкой вверх. Рассеянный свет; плачущие листья покачиваются за оконным стеклом. Я взволнован. Её холодные руки, влажные светлые волосы. Я будто плаваю в пустоте, по которой скользят оборванные лепестки минут. Жадные объятия, торопливое раздевание. Жадные поцелуи. Её с неподдающейся пуговицей джинсовые шорты. Наконец я вхожу в неё своей пульсирующей плотью – как в самую свежесть, в дождливую весну.

Вскоре мы расстались. Она уехала, весенняя девочка. Обратно к нам, на нашу общую малую родину, на другой конец страны. У неё была привычка смешно морщить носик, и ещё она бредила Прибалтикой, в которой бывала... Потом ещё встречались несколько раз – гораздо, гораздо позже, когда обоим было уже за сорок. Но это уже другая, донельзя грустная история.

Нас всегда тянет к женщинам. Женщин – к мужчинам. Почему-то это кажется очень важным: найти своего человечка, свою недостающую часть, зеркало, в котором твоё «я» отражалось бы наиболее полно. Ведь и то, – или тот – кого мы называем Богом, тоже разделён на Ты и Я. Трудно быть всем сразу: как ты узнаешь, кто ты, и вообще что ты есть – если некому посмотреть на тебя со стороны?

Я тоже много раз уезжал из Города и приезжал снова. В молодости. Потом уехал, точнее, увезли меня, надолго. Был громадный перерыв в расписании наших свиданий. И вот я снова здесь, уже через несколько лет после развода с женой. Один. Мне 45. Не могу поверить, что всё это происходит в реальности. Я так мечтал когда-нибудь вернуться сюда! Здесь повсюду встаёт, как храм, всплскивает видениями-орфеями моя студенческая заря! Сейчас уже за полдень перевалила жизнь моя – но восприятие столь же свежо, столь же первозданно: ещё и усиленное зрелостью, отточенностью интеллекта... Жаль, сына нет рядом – но я уверен, что это вре-

менно. Внутри постоянно наигрывает какая-то щемящая мелодия, что-то вроде «йестудэй». Я ещё не знаю, что меньше чем через два года тяжело заболит мама, и мне срочно придётся вернуться в родной город.

Денег, как всегда, ноль. Позвонил бывшему однокурснику, другу юности, с просьбой занять хотя бы тыщонку. Странно было слышать через столько лет знакомый голос:

– Оо, привет, Димыч!!.. Да, я понял. Слушай, старик, извини, ты же знаешь: у меня от первого брака сын, здоровый уже балбес, и сейчас вот жена беременна... Сейчас ну никак...

Мне почему-то неловко. Я уже пожалел, что побеспокоил человека, да ещё в такой уверенности, что не откажет... Поздравил с ожидаемым прибавлением в семействе. Отключившись, обозвал в сердцах самого себя идиотом.

Работаю. Вписываюсь в общую схему жизни: надо ж кем-то быть, чем-то питаться, где-то ночевать, писать, думать. Думать о том, как несовершенна эта самая схема: контуры всеобщего безумия и самоотчуждения.

Несмотря на немалый стаж трамвайный, водительский, здесь назначили стажировку. Как и всем приедем. Сложные перекрёстки, большое движение; ротозеи-пешеходы. Лето обливает всё лучистым сиянием: я верю в Город как в сбывающийся на глазах миф! Жарко. Инструктор – мужчина за 60, настоящий профи; очень энергичный, с живым блеском в глазах. Всю смену вдвоём в кабине – поневоле разговоришься, о том, о сём. На второй или третий день, как только тронулись от остановки, он предложил, сам:

– У тебя как с деньгами-то, Дима?

Я промямлил, что не очень-то, но, в принципе, не так уж совсем, чтобы... Хотя было «совсем».

– Может, занять тебе? Сколько тебе, пять тысяч хватит? Там уже с зарплаты рассчитаешься.

Я согласился, смотря на бегущие вдоль ограждения рельсы. Обожгло каким-то неприятным стыдом воспоминание о недавнем звонке в прошлое. Глупо, но захотелось расплатиться. Но внутренний, закалённый годами бесстрастный индеец во мне оказался начеку!

Всё изнашивается, ветшает с годами, даже дружба. Кстати, позже этот же товарищ, однокашник мой, ввёл меня в круг очень интересных, творческих людей. Арт-кафе «Африка», где они собирались, приветил и меня в живительной тени своего оазиса. Так много музыки, стихов... абрикосовая тишина времени. Я у микрофона на небольшой сцене, со своими зарифмованными, может, не очень умело, чудесами бытия... Это было здорово! Так что...

Море поэзии – как вода залива: жгучая и странная.

Риторический вопрос: разве может человек, на совести которого чья-то смерть, писать стихи? Хорошие стихи? Вообще привнести что-то в сокровищницу духа? Или прав Пушкин, «наше всё», что гений и злодейство – две вещи несовместные?

Но, во-первых, не стоит, думаю, воспринимать всё сказанное даже самым громким авторитетом за истину в последней инстанции. А во-вторых: разве я злодей? Просто слишком полным было всегда моё дождливое сердце.

Вопросы о том, кому рождаться, а кому умирать, – не в нашем ведоми. Они решаются в других сферах. Каждый идёт по следам своей судьбы. И каждый сам в ответе за свою жизнь. И даже за свою смерть. Не отнимайте ни у кого это священное право – ведь тогда вы отнимете и высшую гордость, какая есть у смертного!

Религия и наука – это, в общем-то, две стороны одной медали. То же иждивенчество – только возведённое в квадрат: потому что всё, казалось бы, вещественно, наглядно, убедительно. А что? Мне, обывателю, ни о чём не нужно беспокоиться! Кучка посвящённых, учё-

ных мужей, копаются там потихоньку – и рано или поздно до всего докопаются, и нагрянет безоблачное будущее.

Я не верю. Я не верю вам, учёные мужи. Я вижу деревья и дома, окружённые деревьями; броско сервированные столы и смеющихся женщин. Над ними облака. Вокруг – цветовая гамма ощущений и чувств и мелодичная грусть городских пейзажей. Я протягиваю руку к сердцу мироздания – а вы подсовываете мне таблицы и микроскопы. Бактерии, и ещё глубже – атомы, в них всё дело, говорите вы. Это какой-то странный, невидимый мир – но он, оказывается, управляет миром внешним, видимым. Свойства целого вы объясняете, исходя из свойств составляющих его частей... А не логичнее ли было бы поступать наоборот??

Вы расщепляете материю в поисках истины... Есть ли она там?

Люди, те, кто повнимательней, я хочу вас поздравить: вас провели, надули! Научное истолкование мира победоносно завершено. Окончательный его итог заключается в том, что всё состоит... из пустоты. Расстояние между ядром атома и частицами, которые летают вокруг, – примерно такое же, как между Солнцем и планетами. Между ними – просто огромное Ничто. Да и сами эти частицы – разве они «твёрдые», разве они – материя, в том смысле, какое мы привыкли вкладывать в это слово?

Самое забавное, что наука чрезвычайно эффективна. Всё работает. Телефоны бренькают, космические корабли бороздят всё, что им положено бороздить. Но люди не становятся счастливее. Даже сколько-нибудь разумнее не становятся.

Всё работает... А вдруг это тот же самый пресловутый вопрос веры? Которая, будучи даже меньше горчичного зерна, как известно, способна сдвинуть горы. Так почему бы ей не поднять корабль в небо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.